

ГЛАВА IV

ВЗГЛЯДЫ

П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков придавали огромное значение проблематике взаимоотношений народов в составе Российской империи. В этой связи М. О. Меньшиков констатировал – «Инородческий вопрос самый грозный из всех, ибо в нем дело идет о душе народной»¹.

Данный факт являлся неудивительным, поскольку, позиционируя себя в качестве идеологов русского национализма, именно в обеспечении приоритетности прав русской державной нации относительно остальных народностей, проживающих на территории страны, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков видели главную внутривластную задачу правительства.

Важнейшее значение проблематики межнациональных отношений в сравнении с другими направлениями внутренней политики, по мнению теоретиков русского национализма, определялось следующими факторами. Во-первых, утверждалось, что национальный вопрос приобрел в начале XX века чрезвычайную остроту. По мнению Ковалевского и Меньшикова, от того или иного его решения прямо зависели перспективы развития русской государственности, а игнорирование данных проблем могло привести не иначе как к структурному кризису и конечному распаду Российской империи. Таким образом, лишь при удачном решении национального вопроса, при построении правильной стратегии межнациональных отношений, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меньшико-

---

¹ Меньшиков М. О. Письма к ближним за 1907 г. СПб. : Изд-во М. О. Меньшикова. 1907. С. 239.

ва, становилось возможным обращение к другим актуальным политическим задачам.

Обосновывая подобным образом важность и значимость проблематики межнациональных отношений, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков разрабатывали собственный подход к решению национального вопроса. Отметим, что мировоззренческие установки, характеризующие их отношение к данной проблематике, в целом совпадали с высказываниями других теоретиков русского национализма и крайне правых. В этой связи согласимся с мнением современного исследователя Д. Раскина, который утверждает, что для подхода националистов и других правых характерными являлись утверждение о том, что интересы русского народа и остальных народов империи в значительной степени несовместимы, и поэтому нерусские народности могут существовать лишь при русском господстве, тезис о том, что русский народ находится в угнетенном положении в собственном государстве, и поэтому любые меры, направленные против «инородцев», во многом будут носить справедливый и обоснованный характер, а также апокалипсическое представление, связанное с тем, что русский народ столкнулся в начале XX века не просто с вспышкой «инородческого» сепаратизма, а с настоящими силами ада². Таким образом, проблематика межнациональных отношений рассматривалась и в некоем религиозно-мистическом контексте.

При анализе данной проблематики теории национализма стремились, так сказать, к ее «комплексному» всестороннему пониманию. Так, в своих сочинениях они анализировали аспекты генезиса национального вопроса, выявляли особенности современного состояния межнациональных отношений, критически оценивали национальную политику правительства и, наконец, формулировали конкретные теоретические принципы решения национального вопроса, разрабатывали стратегию национальной политики в ее практическом воплощении.

Обобщая выше сказанное отметим, что специфика подхода М. О. Меньшикова и П. И. Ковалевского, как и других теоре-

---

² См.: Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки / под ред. О. Т. Вите, В. М. Воронкова, Р. Ш. Ганелина, Б. М. Фирсова. СПб.: Институт социологии РАН, 1992. С. 16–18.

тиков русского национализма, к анализу проблематики межнациональных отношений заключалась в том, что национальный вопрос рассматривался ими в самостоятельном качестве, а возможность его позитивного решения прямо не связывалась с проведением широкомасштабного реформирования каких-либо отдельных сфер общественной жизни.

Возникновение и обострение национального вопроса в Российской империи в начале XX века явилось по справедливому утверждению идеологов ВНС объективным явлением. Главными причинами такого положения дел, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, стали, с одной стороны, объективный процесс развития самосознания нерусских народностей, что было спровоцировано политикой правительства, а с другой – непоследовательное русификаторство правящих кругов, не способное в итоге не только законсервировать развитие национального сознания нерусских народностей в составе империи, но и приводящее к негативному восприятию нерусскими окраинами всей государственной системы империи.

Кроме того, по мысли идеологов национализма, попытки со стороны правительства создать единое измерение имперской гражданственности на основе максимального учета прав всех народов, входящих в ее состав, оказались просто неприемлемыми, поскольку приводили к тому, что русская нация, совершенно не приспособленная к жизнедеятельности в условиях капиталистической системы, оказалась в роли аутсайдера и теряла господствующее положение во всех сферах общественной жизни. Различного рода статистические данные, подчеркивающие невыгодность положения русских, а порой и их дискриминацию в империи приведены в работе С. М. Сергеева³.

Конкретным выражением остроты и неразрешенности национальных противоречий в Российской империи к началу XX века, по мнению как Ковалевского, так и Меньшикова, являлось существование двух параллельных процессов в общественно-политической жизни государства. Так, в первую очередь, обращал на себя внимание неконтролируемый рост влияния нерусского населения империи, что сопровождалось ухудшением положения представителей державной нации, их

³ См.: Сергеев С. М. Указ. соч. С. 177–186.

дискриминацией со стороны полунерусских по составу правительственных структур. Вследствие этого законодательные ограничения, наложенные правительством в отношении правового положения некоторых нерусских народностей, перестали соблюдаться, подвергаясь прямому нарушению, превращаясь в политический анахронизм. П. И. Ковалевский, описывая данный процесс, отмечал: «Эксплуатация населения небольшой группой немецкой партии, захватившей власть в свои руки, велась самым бесстыдным образом. Коренное население лишено возможности не только отстаивать свои права, но даже искать себе правды и справедливости, так как суды были пародией на суд, совесть народа насилывалась фанатизированными пасторами, а школы открыто онемечивались и воспитывали население в духе корено-враждебном всему русскому, причем, разумеется, русский язык был изгнан из школы, так и из суда и административных учреждений»⁴.

Фактически речь в понимании всех без исключения националистов и крайне правых шла о так называемом инородческом «засилье». Под «засильем» теоретики русского национализма понимали внедрение нерусского населения во все сферы общественной жизни Российской империи и завоевание там ключевых позиций. М. О. Меньшиков в своих работах рисовал прямо апокалиптическую картину «инороднического» проникновения во все сферы жизни общества, включая центральный механизм функционирования имперской власти⁵. В итоге рассмотрения данной проблемы теоретик национализма констатировал: «Расхищение русской территории и государственности началось давно еще при торжестве старого режима (до 17 октября 1905 г. – П. С.). То же расхищение земли и прав русской народности вошло и в новый порядок. Идет гибельный процесс какого-то завоевания без боя... вся Россия войдет скоро в нисходящий реестр»⁶.

⁴ См.: *Ковалевский П. И.* Александр III – царь-националист // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М. : Граница, 2005. С. 206.

⁵ См.: *Меньшиков М. О.* Захват Петербурга // Новое время. 1908. 26 июля; *Его же.* Нация просыпается // Новое время. 1909. 6 окт.; *Его же.* Польский гнет // Новое время. 1909. 7 мая и т. д.

⁶ *Меньшиков М. О.* Чудовищный захват // Новое время. 1908. 15 июля.

Данный вывод теоретиков русского национализма нашел подтверждение и в различного рода свидетельствах их современников. Так, информируя о положении дел на местах, один из членов Всероссийского национального союза сообщал в главный совет: «Не преувеличу, если скажу, что весь юг России находится в руках немцев»⁷. В данном случае имелся в виду широкий захват немцами южных земельных угодий, в результате чего русское крестьянство, проживающее на данных территориях, оказывалось в чрезвычайно зависимом от них положении. Главный совет ВНС располагал также свидетельствами об ослаблении русского влияния и на других имперских окраинах, в частности в Карелии⁸. Респондент ВНС в северо-западных областях империи Н. О. Мальцев неоднократно сообщал об экономических злоупотреблениях евреев – владельцев крупных предприятий, в результате которых многие русские жители края были незаконно уволены с работы, что привело к организации ими отрядов самообороны, «дабы противопоставить еврейскому началу сплоченные русские силы»⁹.

Заметим, что непосредственным доказательством утверждения теоретиков ВНС о существующем «инородническом» засилье являются статистические данные относительно национального состава дворянского сословия. В связи с этим Р. Пайпс в своей работе прямо указывает на тот факт, что уже в последний период существования Московского государства в структуре служилого сословия преобладали нерусские элементы (две трети состава)¹⁰. Вполне естественно предположить, что с течением времени ситуация еще более усугубилась.

Не стоит также забывать и о том, что коренное русское население империи несло в полном объеме основные государственные повинности, в то время как, например, финны и поляки пользовались существенными автономными правами и всевозможными льготами. Крепостное состояние в собственно российских губерниях было отменено в среднем

⁷ Письма в ВНС // ГАРФ. Ф. 1719 (Всероссийский национальный союз). Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁸ Там же.

⁹ Письмо Н. О. Мальцева в ВНС // ГАРФ. Ф. 1719 (Всероссийский национальный союз). Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

¹⁰ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М. : Захаров, 2004. С. 251.

на полвека позже, чем на имперских окраинах, там, где оно существовало.

С другой стороны, нельзя не отрицать, что идеологи ВНС, делая выводы о таком положении дел в межнациональных отношениях внутри империи, нередко видели ситуацию односторонне, склонны были в своих оценках к значительной гиперболизации и драматизации реального положения дел.

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, впрочем, как и большинство других идеологов русского национализма, были солидарны в оценке того негативного влияния, которое оказывали «инородцы» на развитие Российской империи. Меньшиков в многочисленных статьях уделил значительное внимание данной проблеме. Прежде всего мыслитель доказывал нежелательность наличия нерусских элементов в имперской общественной структуре, вследствие объективного действия теоретически им обоснованного «закона смешения». Руководствуясь принципами крайнего антропологизма и распространяя действие физико-химических закономерностей на общественную жизнь, публицист утверждал, что априори чистое вещество (моноэтническое государство) в результате попадания в его структуру чужеродных (этнических) элементов теряет свои положительные качества и в значительной степени портится¹¹. Таким образом, уже сам по себе факт присутствия «инородцев» в составе российского государства не мог привести к каким-либо благоприятным последствиям. Наоборот, Меньшиков констатировал: «Из быстрого и постепенного инородческого засилья происходит быстрое или постепенное перерождение тканей общества, нарушение равновесия в их составе и в механическом расположении»¹².

Положение дел в значительной степени усугублялось и вследствие воздействия деструктивной по своей сути идеологии «инороднического» сепаратизма. Определяя главные цели нерусских народов, Ковалевский и Меньшиков подчеркивали стремление «инородцев» не к оформлению национально-культурной автономии, а именно к созданию собственного поли-

¹¹ Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 158.

¹² Меньшиков М. О. Развал Востока // Новое время. 1909. 2 апр.

тически независимого государства. При этом по убеждению Меншикова и Ковалевского, подчиненные нации для достижения своей сокровенной цели использовали самые разнообразные средства – от мирного реформирования, если это было возможно, до кровавой революции¹³. Именно поэтому и вся деятельность нерусских народностей, осуществляемая ими в составе империи, воспринималась не иначе, как подготовка к вооруженному столкновению с державной нацией в борьбе за осуществление указанных устремлений. П. И. Ковалевский, кроме того, замечал, что подобного рода подрывная деятельность нерусских осуществлялась при полном попустительстве со стороны правительства и общественных сил¹⁴.

М. О. Меншиков отмечал также, что немалая опасность для Российской империи состоит в том, что национальные движения «иностранцев» могут спровоцировать столкновение великих держав, готовых воспользоваться удобным моментом для нахождения предлога для войны с Россией с целью ее ослабления.¹⁵ Однако теоретик национализма, оценивая различные варианты возможного хода событий, приходил к выводу, что сам факт иностранного вмешательства в дела Российского государства вызвал бы, во-первых, подъем реакции, в результате чего были бы уничтожены даже зыбкие предпосылки для реформирования в национальном вопросе с целью удовлетворения основополагающих требований «иностранцев», а во-вторых, кровопролитие среди мирного населения национальных окраин в результате военного вторжения русской армии. Именно поэтому Меншиков считал ставку лидеров национального сепаратизма на иностранное вмешательство, по меньшей мере, неоправданной.

Кроме того, доказательством бесперспективности развития идеологии сепаратизма, по мысли М. О. Меншикова, выступало и то обстоятельство, что устремления к собственному государственному конституированию ни одной из нерусских групп, проживающих на территории Российской империи, не были

¹³ Меншиков М. О. Мания бунта // Национальная империя. С. 32.

¹⁴ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. СПб. : Тип. М. Акинфиева, 1912. С. 32.

¹⁵ Меншиков М. О. Мания бунта // Национальная империя. С. 32.

оправданы с точки зрения исторической логики. «Инородцы наши не сумели создать своего величия и тем настойчивее примазываются к чужому. Но голос науки столь же настойчиво осаживает их назад,»¹⁶ – утверждал публицист.

Таким образом, в данном вопросе теоретики русского национализма исходили, с одной стороны, из признания факта объективной угрозы развития идеологии «инороднического сепаратизма» для самого существования Российской империи, а с другой – доказывали ее бесперспективность и утопичность, приводя при этом отнюдь не бесспорные доводы.

Исходя из вышесказанного, отрицательное влияние «инородцев» на все структуры имперской общественности, по мнению теоретиков национализма, не требовало особых доказательств. В этой связи говорилось, в первую очередь, о деструктивном «инородническом» воздействии на глубинные основы русского национального сознания¹⁷. Кроме того, публицист «Нового времени» замечал и тот факт, что «инородническое» влияние прямым образом разрушает центральную основу любой общественной национальной структуры – аристократию, способствуя ее вырождению в национальном смысле¹⁸. Данный факт, по Меньшикову, имел прямо-таки катастрофическое последствие для судеб русской государственности¹⁹.

Наконец, Меньшиков обосновывал мысль о том, что именно вследствие влияния нерусских народностей и их масштабной интеграции в управленческие структуры империи происходила парализация государственной власти, а ее институты теряли возможность для осуществления твердой и последовательной политики²⁰. Именно поэтому Меньшиков требовал создать однородное в национальном плане правительство и народное представительство, о чем подробнее будет сказано в отдельной части работы.

¹⁶ Меньшиков М. О. Они и мы // Национальная империя. С. 292.

¹⁷ См.: Меньшиков М. О. Национальное единодушие // Национальная империя. С. 253.

¹⁸ См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 158.

¹⁹ См.: Меньшиков М. О. Пророчество Даниила // Национальная империя. С. 68–73.

²⁰ См.: Меньшиков М. О. Утомление власти // Новое время. 1910. 11 сент.

В связи со всем вышесказанным совершенно неудивительным выглядел и тот факт, что все без исключения националисты, а также крайне правые, прямо обвиняли нерусское население империи в организации революционного процесса. Иначе говоря, первая русская революция носила, по их мнению, «инороднический» характер. «У нас революция была главным образом инородческая. И Россия гибнет от слишком больших чужеродных окраин, которые покорились силе наших предков, чтобы потом покорить их потомство хитростью»²¹, – писал публицист «Нового времени». В этой связи забастовки рабочих и акты неповиновения крестьян являлись, по мнению мыслителя, лишь попытками организовать русскую самооборону в ответ на наступление сепаративного национализма «инородцев» и бездействие правительства.

Подчеркивая подобный характер русской революции, Меньшиков констатировал весьма печальный для него факт того, что лидеры революции, являющиеся в большинстве своем русскими по происхождению, используются «инородцами» для достижения поставленных ими целей, главной из которых является уничтожение русского государства как самостоятельной политической единицы²².

Стоит заметить, что, хотя с данным радикальным утверждением Меньшикова относительно характера русской революции трудно согласиться, но исторические факты, свидетельствующие об активных выступлениях во время революции 1905 г. против имперской власти на окраинах (таких, как Финляндия, Кавказ, Польша, Прибалтика) действительно имели место, что говорит о значительном развитии национальных движений нерусских народов в это время.

Как видим, при анализе проблематики влияния нерусских народностей на имперскую государственность националисты, как и крайне правые, в основном концентрировали свое внимание на отрицательных моментах. Однако М. О. Меньшиков указывал и на другой аспект их воздействия, связанный с тем, что нерусские народы, особенно поляки и фин-

²¹ Меньшиков М. О. Развал Востока // Новое время. 1909. 2 апр.

²² См.: Меньшиков М. О. Двенадцать языков // Национальная империя. С. 49–50.

ны, зачастую выступали «переносчиками» на русскую почву европейских образцов общественности, становясь при этом своеобразной «смычкой» между Россией и Европой, позволяли перенимать позитивный опыт последней. В этом смысле влияние «инородцев», как считал М. О. Меньшиков, трудно было переоценить²³. Однако отмеченный позитивный характер влияния «инородцев» признавался теоретиками русского национализма лишь в ограниченном контексте, а в официальных партийных документах ВНС такое утверждение и вовсе не содержалось.

Таким образом, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков оценивали современное им положение межнациональных отношений в Российской империи как крайне ненормальное и опасное в контексте перспектив дальнейшего существования государства, поскольку главной их особенностью являлось угнетенное положение титульной господствующей нации при ощутимо нарастающем влиянии нерусских народностей. В этом отношении их позиция не расходилась с официальной партийной и не претерпела какой-либо эволюции с течением времени, если не считать, что с началом Первой мировой войны обвинения в адрес нерусского населения, в частности в отношении немцев, стали еще более радикальными.

Подобные характеристики заставляли идеологов ВНС подходить к рассмотрению данной проблематики с особой тщательностью. Так, обращаясь к тематике межнациональных отношений практически в каждой из своих работ, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков сформулировали совокупность принципов, на основе которых и должен был быть решен национальный вопрос в государстве.

Первым ключевым аспектом, выдвигаемым в этой связи идеологами русского национализма, являлся принцип господства русской нации в государстве. В соответствии с ним все представители данной этнической группы должны были иметь привилегированное положение по отношению к другим. При этом утверждение о необходимости господства русских во всех сферах общественной жизни представлялось бесспорным и трактовалось однозначно: «Русский народ есть создатель и

²³ См.: Меньшиков М. О. Открытые двери // Новое время. 1906. 10 дек.

собиратель Руси. В России русский народ является господствующей и державной нацией. Только русский народ и он один имеет право рассуждать о состоянии России...»²⁴.

По мнению М. О. Меньшикова, данное утверждение не могло подлежать критическому рассмотрению и по причине его законодательного закрепления в Основных государственных законах²⁵. Господство русской нации обуславливалось самой имперской титулатурой русского государства, которая предполагала не «руководство» и «водительство» по отношению к остальным имперским «иностранцам», а именно ее царственное господство²⁶.

Заметим, что тезис «Россия для русских» в качестве безусловной истины принимался на вооружение не только всеми без исключения другими видными теоретиками русского национализма, но и идеологами крайне правых. Ковалевский и Меньшиков стремились подчеркнуть справедливость выдвинутого ими лозунга прежде всего ссылками на его применимость в общественной практике развитых европейских стран. Так, М. О. Меньшиков отмечал: «Россия “для русских” совершенно так, как Англия для англичан»²⁷.

С другой стороны, оба теоретика национализма спешили оговориться, что принятие принципа «Россия для русских» утверждает справедливые права господствующей нации, но никак не означает начало наступления на «иностранческие» права или их дискриминацию. Продолжая данную мысль, другой видный теоретик русского национализма Н. О. Куплеваский отмечал: «Слово господство разумеется не в смысле порабощения. Никто не помышляет о какой-либо рабской или крепостной зависимости каких-либо иностранцев, но оно разумеется в смысле политическом и экономическом»²⁸.

²⁴ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб. : тип. Акинфиева, 1912. С. 241.

²⁵ Меньшиков М. О. Чье государство Россия? / М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 2005. С. 73–74.

²⁶ Меньшиков М. О. Нецарственный империализм / М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. С. 186.

²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним за 1907 г. СПб. : издательство М. О. Меньшикова, 1907. С. 636.

²⁸ Куплеваский Н. О. Всероссийский Национальный Союз. СПб. : тип. Леонтьевича, 1908. С. 5.

Таким образом, практическая реализация данного лозунга означала в представлениях идеологов ВНС в первую очередь установление патриархального главенства русской нации над «инородцами» по принципу внутрисемейного старшинства и стремление к созданию условий, при которых осуществлялось бы взаимовыгодное сотрудничество русских и других имперских народностей.

Однако, обосновывая выдвинутый принцип, идеологи русского национализма, как и крайне правые, сталкивались с фактически неразрешимой проблемой, так как затруднялись однозначно ответить на вопрос о том, что такое русская нация, назвать главный системаобразующий ее элемент. Данная проблема, которую можно условно обозначить в качестве «проблемы национальной идентификации», является, на наш взгляд, ключевым противоречием любой националистической идеологии, и в этой связи теоретики русского национализма начала XX века не явились исключением.

Иными словами, при понимании данного теоретического постулата неминуемо возникали проблемы, связанные с определением состава той этно-социальной группы, которая должна была получить несравнимо большую совокупность прав во всех сферах общественной жизни по сравнению с другими. В работах теоретиков русского национализма в данной связи обращалось внимание на два взаимосвязанных критерия состава русской нации.

Во-первых, он мог определяться на основе этнографического признака, и тогда под русскими понимались три ветви восточного славянства – великорусы, малороссы и белорусы²⁹. В данном отношении представляется, что позиция националистов не являлась достаточно обоснованной и была во многом идеализированной. Прямым доказательством этого является тот факт, что Меньшиков и Ковалевский, как и другие теоретики русского национализма, отказывались воспринимать объективное существование такого общественного течения, как украинофильство, даже несмотря на то что к началу

---

²⁹ Ковалевский П. И. История Малороссии. СПб. : Тип. В. Коротаевой, 1912. С. 5; Меньшиков М. О. Национальный союз // Письма к русской нации. С. 67.

XX века оно не только теоретически оформилось, но и имело весьма широкую общественную поддержку в интеллигентской среде³⁰. Называя данное течение исторически неоправданным, верхушечным, болезнью непросвещенной интеллигенции, наконец, спровоцированным недоброжелателями России государственным преступлением³¹, Меншиков и Ковалевский не хотели замечать факта наличия у украинцев собственного национализма, само существование которого в значительной степени опровергало концепцию понимания состава русской нации в качестве этнографического единства трех родственных народов.

Во-вторых, теоретики русского национализма определяли состав русской нации, руководствуясь французской традицией понимания термина «нация», то есть зачисляли в ее состав всех полноправных граждан российской империи. Однако такими гражданами могли стать лишь лояльно настроенные по отношению к русскому государству и нации представители нерусских народов³².

Отметим также, что в принципе теоретики русского национализма, соглашаясь с авторитетными крайне правыми, в частности с И. П. Мордвиновым и Д. И. Иловайским³³, склонны были понимать под основным критерием принадлежности к русской национальной общности приверженность православному вероисповеданию.

Таким образом, термин «русская нация» в итоге принимал весьма расплывчатые черты, что объективно отрицательно сказывалось на стройности всей концепции разрешения нацио-

---

³⁰ Одним из идеологов украинофильства являлся М. Грушевский, который формулировал четкую идейную концепцию течения. Подробнее см.: *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос: Статьи и заметки. СПб.: Общественная польза, 1907. 294 с.

³¹ Подробнее см. работы: *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения. С. 92; *Его же.* История Малороссии. С. 103, 213; *Меншиков М. О.* Великоорусская партия // Национальная империя. С. 145–151; *Его же.* Могильщикам России // Письма к русской нации. С. 442–447; *Его же.* Быть ли России великой // М. О. Меншиков. Письма к русской нации. С. 224–232.

³² См.: *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма. С. 17.

³³ Об их позиции см.: *Омельянчук И. В.* Консервативно-монархическое движение в Российской империи (1901–1914 гг.): дисс. д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 473.

нального вопроса. Тем не менее, выдвигая подобный принцип, Ковалевский и Меньшиков дали в своих работах фундаментальное обоснование причин необходимого господствующего положения русских в империи.

Прежде всего, по мнению М. О. Меньшикова, данный факт прямо содействовал успешной реализации творческого потенциала государства, являл собой первейшую необходимость для его успешного, поступательного развития³⁴. По Меньшикову, утверждение господствующего положения русских полностью соответствовало логике развития национализма как общественного феномена. Речь, в первую очередь, шла об уже упомянутом объективном стремлении любой национальной общности (в данном случае) русской к утверждению единоличного господства в государстве. Главнейшим фактором при этом, по Меньшикову, выступал принцип здорового национального эгоизма, являющийся неотъемлемым компонентом в структуре самосознания любой национальной общности³⁵.

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков также обосновывали приоритетные права русской нации в Российской империи ссылаясь на тенденции исторического развития русской государственности. В этом смысле господствующее положение русской нации в государстве определялось, прежде всего, ее вкладом в дело государственного строительства, теми материальными и духовными затратами, которые она понесла в развитии данного процесса. Идеологи русского национализма резонно замечали, что государство, созданное посредством титанических усилий преимущественно одного русского народа, не может позволить себе уравнивание в правах народа-хозяина страны и всех остальных. Немаловажное значение имел и тот факт, что, признавая необходимым практическую реализацию державных прав русской нации, Меньшиков, указывал, что такое ее приоритетное положение в государстве порождает целый комплекс обязательств, прежде всего, связанных с ответ-

---

³⁴ См.: Меньшиков М. О. Чье государство Россия? // Национальная империя. С. 77.

³⁵ См.: Меньшиков М. О. Русское пробуждение // Национальная империя. С. 177.

ственно за охрану государственного бытия империи и ее дальнейшее поступательное развитие³⁶.

Меньшиков и Ковалевский соглашались с доказательствами необходимого господствующего положения русских в государстве, приведенными в работах других теоретиков русского национализма. Так, не вызывало сомнения утверждение приоритета русской нации в государстве по причине ее численного превосходства, лучшего общественно-политического устройства, особого отношения к «инородцам» и т. д.³⁷

Идеологи ВНС, руководствуясь собственной теорией нации и национализма, также разделяли мнение о том, что господство русской нации в империи определялось и на основе ее «права сильного» в отношении других соподчиненных наций.

Господство, по мнению Меньшикова и Ковалевского, означало и высшую степень ответственности. Именно поэтому оба теоретика ВНС утверждали, что русским следует доказать, что они имеют все основания пользоваться исключительными привилегиями в Российской империи, что было невозможно сделать без проведения мер, направленных на развитие русского национального сознания.

Таким образом, отметим, что П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, обосновывая необходимость господствующего положения русской нации в государстве, развивали и дополняли идеи других теоретиков русского национализма, формируя официальную позицию ВНС, которую выразил первоначальный лидер Союза князь Урусов. На учредительном собрании Союза он отметил: «Никак нельзя допускать хотя бы малейшего унижения в России русского же человека, который первый создал нынешнюю нравственную и физическую мощь своей великой Родины»³⁸. В уставе ВНС в итоге было зафиксировано стремление содействовать господству русской народности в пределах империи, а также укреплять русское национальное единство³⁹.

³⁶ См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия / М. О. Меньшиков. Национальная империя. С. 148–149.

³⁷ См.: Подобные мысли излагал, например, В. В. Бернов см.: Бернов В. А. Национализм в качестве основы государственности. СПб.: Товарищество художественной печати, 1912. С. 54.

³⁸ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России. С. 90.

³⁹ Там же.

Заметим, что подобные установления были закреплены во всех без исключения программных документах ВНС и в дальнейшем, что прямо свидетельствовало о том, что в данном вопросе позиция партии оставалась твердой и не претерпела эволюции. Кроме того, отметим, что такого рода установки целиком разделялись и в программных документах крайне правых⁴⁰.

Итогом практической реализации принципа «Россия для русских» для П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова становилась «национализация» всех сфер общественной жизни. Иначе говоря, теоретики национализма обосновывали концепцию «национального государства». Сущность ее состояла в признании того, что именно национально-государственные атрибуты русской нации должны определять общественное «лицо» империи. Оба теоретика национализма считали данный факт первостепенным условием организации имперской государственности. Поэтому, с их точки зрения, любое посягательство на декларируемый принцип со стороны враждебных русской нации сил имело характер политического преступления, к виновникам которого должны быть применимы самые суровые санкции⁴¹. По мнению Ковалевского и Меньшикова, практическая реализация концепции «национального государства» означала бы тот факт, что представители русской нации должны были получить абсолютное большинство во всех управленческих структурах империи, православие, как главнейший определитель и атрибут русской нации, стать господствующей религией с исключительными правами на вероисповедание, а русский язык должен был играть роль государственного языка. Кроме того, русские обязаны были получить исключительные права в экономической и культурной сферах, где государство с помощью особого законодательства должно было производить прямую протекцию их прав и интересов. Новая власть, созданная в национальном государстве, должна была выполнять главнейшую функцию – обеспечивать поступательное развитие державной (русской) нации, способствуя реализации ее прав и их охранению.

⁴⁰ Например, см. программу «Русского собрания»: Полный сборник платформ всех русских политических партий, приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб. : ННШ, 1906. С. 126.

⁴¹ См.: *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма. С. 12.

Заметим, что, хотя теоретически концепция «Россия для русских» являлась в целом последовательной, однако, когда речь заходила о практических шагах, направленных на ее реализацию, то здесь возникали очевидные трудности. В этой связи в качестве единственно возможной стратегии практических действий, направленной на осуществление «национализации» государства в перспективе П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, как и другие националисты и крайне правые, рассматривали поэтапную русификацию империи. В то же время отношение к русификации теоретиков национализма являлось противоречивым.

Так, с одной стороны, публицист «Нового времени» считал именно русификацию и ассимиляцию важнейшими средствами успешной реализации идеи национального государства⁴². С другой стороны, тот же Меньшиков в поздних статьях весьма скептически относился к самой возможности и даже желательности их проведения, учитывая возможные последствия, связанные с обострением национального вопроса. Так, публицист в 1916 г. отмечал: «Мы видим, что в живом организме клетки соединены, но вовсе не до слияния друг с другом. Почему-то органический процесс природы требует некоторого сепаратизма»⁴³, а далее констатировал радикальную перемену своей позиции: «Я лично – идейный враг всякого насильственного обрусения. Попытки нашей обрусительной политики мне кажутся жалкими, однако странно было бы не иметь в этой области вовсе никакой политики»⁴⁴.

Таким образом, М. О. Меньшиков на основе изученного опыта влияния проведения русификации на состояние межнациональных отношений пришел к противоречивому выводу о безусловной желательности ее осуществления с точки зрения общегосударственной логики, но принципиальной невозможности вследствие как природно-объективных, так и политических причин.

Отметим, что эволюционирование взглядов Меньшикова в данном вопросе существенно повлияло на официальную пар-

⁴² См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 157.

⁴³ Меньшиков М. О. Разноголосица // Письма к ближним за 1916 г. Пг. : Изд-во М. О. Меньшикова, 1917. С. 532.

⁴⁴ Там же. С. 531.

тийную позицию. Члены ВНС (особенно левое крыло) на последнем этапе существования партии также не верили в успех русификаторской политики, а скорее отмечали ее пагубность, однако альтернативы ими так и не было предложено.

Подобная позиция Меньшикова роднила его с взглядами национал-либералов, в первую очередь с П. Б. Струве, а также с идеологами крайне правых С. Ф. Шараповым и кн. Мещерским, которые изначально обосновывали нежелательность проведения русификации в виду возможности получения отрицательных практических результатов⁴⁵. Кроме того, мысль о негативном влиянии осуществления русификаторской политики на состояние межнациональных отношений внутри империи в начале XX века убедительно подтверждается современными исследователями данной проблематики⁴⁶.

Таким образом, на наш взгляд, постановка и обоснование принципа господствующего положения русских в империи, а также концепции национального государства заключали в себе объективное противоречие между националистической теорией и практикой. По логике теории главным стратегическим звеном в реализации таких установок являлось проведение русификаторской политики. Однако на практике русификация приводила к совершенно иным результатам, что и видели националисты, в частности, Меньшиков. Но изменить и «подстроить» свои теоретические установки в соответствии с реальной ситуацией теории национализма так и не смогли. В итоге желание безотчетно следовать непоколебимым теоретическим установкам возымело верх над трезвой оценкой ситуации, что не могло не привести к идейному кризису всего правого общественного спектра.

Утверждая мысль о необходимости обеспечения приоритетных прав в Российской империи представителям русской на-

⁴⁵ См. подробнее: Письма Шарапова и Мещерского // ГАРФ. Ф. 451 (Вергун Д. Н.). Оп. 1. Д. 45; Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика, С. 188–189; Струве П. Интеллигенция и национальное лицо [Электронный ресурс] // Русский мир: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.usakov.org/society/str.htm> (дата обращения: 09.10. 2007).

⁴⁶ См.: Вельможко Н. И. Национальный вопрос в деятельности III и IV государственных дум: дис. канд. ист. наук. М., 1998. 200 с.

ции, Ковалевский и Меньшиков должны были определить конкретное правовое положение в государстве нерусских народностей. Стоит заметить, что в общественно-политической мысли Российской империи в начале XX века сложилось две традиции понимания данной проблемы. Если представители первой из них, характерной в основном для всех правых, стремились к обеспечению господствующего положения представителей русской нации, сводя при этом до минимума совокупность прав «инородцев», то представители другого, либерального крыла общественного спектра настаивали на обеспечении равноправия всех проживающих на территории Российской империи наций, видя в этом главный залог для успешного решения национального вопроса⁴⁷.

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков находились в русле правой традиции понимания данных вопросов поэтому отстаивали мысль, органично вытекающую из признания приоритета русской нации в государстве, о необходимых отношениях русских и «инородцев» в вертикали господства – подчинения. Логическим выводом из признания такого тезиса являлось утверждение теоретиков национализма о том, что все нерусские народности, населяющие российскую империю, должны иметь известные правовые ограничения, ставящие их в прямую зависимость от господствующей русской нации. В вопросах о масштабах такого рода правовой дискриминации нерусского

⁴⁷ См., например, работы: Автономия, федерация и национальный вопрос. М.: Народная свобода, 1906. 48 с.; Автономия и федерация. Харьков: (Б. и.), 1917. 32 с.; Алексеев В. Народы России и их свободное устройство; Будилович А. С. Вопрос об окраинах России, в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб.: тип. Войкова, 1906. 26 с.; Выдрин Р. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 100–123; № 2. С. 70–87; Грушевский М. Единство или распадение России? СПб.: Общественная польза, 1907. 15 с.; Его же. На национальные темы: К вопросу о национально-территориальной автономии // Русское богатство. 1913. № 1; Его же. Национальный вопрос и автономия. СПб.: тип. Общественная польза, 1907. 15 с.; Жаботинский В. Письма о национальностях и областях // Русская мысль. 1911. № 1; Ковалевский М. М. Национальный вопрос в России и равенство подданных перед законом. Варшава: Правда, 1906. 15 с.; Уравнение национальных прав как основная реформа в Российском государстве. СПб.: Тип. Вейерман, 1909. 60 с.; Ульянов Н. И. Об одном проекте разрешения национального вопроса в России // На темы и русские и общие. Нью-Йорк, 1965. С. 297–304 и др.

населения империи Меньшиков и Ковалевский, также как и другие теоретики национализма, в принципе демонстрировали практически полное единство. Общую позицию националистов по данному вопросу определил Д. А. Коцюбинский. Так, по его мнению, теоретики национализма, говоря о необходимых правовых ограничениях в отношении «иностранцев», имели в виду следующее: ограничение их политических (избирательных) прав на общегосударственном уровне; ограничение прав «иностранцев» на участие в местной жизни; ограничение некоторых гражданских прав «иностранцев» (при поступлении на госслужбу, при занятии бизнесом и свободными профессиями); ограничение притока «иностранцев» из-за рубежа⁴⁸.

Кроме того, утверждалось, что свои национальные устремления подчиненные «иностранцы» должны были согласовывать с интересами русской нации, а значит и государства, постоянно демонстрируя лояльное отношение. При этом тезис о правовом неравенстве русских и «иностранцев» воспринимался однозначно и не подвергался какому-либо критическому рассмотрению⁴⁹. Подобное утверждение активно пропагандировалось другими ведущими теоретиками националистов и националистической печатью⁵⁰.

Конкретным условием утверждения отмеченного правового соотношения русских и «иностранцев» в составе империи, по мнению националистов, должен был стать принцип равносильности, сформулированный П. И. Ковалевским в противоположность равноправию, поскольку последнее, по его мысли, отвечало интересам преимущественно «иностранцев», к примеру, евреев. Сущность данного принципа состояла в необходимости создания таких условий, при которых все нации в составе Российской империи получали бы равные возможности для своего развития. Для осуществления таких условий на практи-

⁴⁸ См.: *Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма на примере партии ВНС // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : сб. статей. СПб., 2004. С. 98.*

⁴⁹ См.: *Ковалевский П. И. Психология русской нации // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005. С. 49.; Меньшиков М. О. Чье государство Россия? // Письма к русской нации. С. 74.*

⁵⁰ См., например: Киевлянин. 1907. 3 июля.

ке, по мысли Ковалевского, необходим тщательный контроль со стороны государства, которое утверждало бы «равносилие», определяя совокупность прав каждой конкретной общности в зависимости от ее правового положения. Для практической реализации данного принципа необходимо было, по мнению Ковалевского, искусственно провести перераспределение прав отдельных наций в пользу слабейших. Так, например, права евреев в экономической сфере, где они достигли небывалого влияния, должны быть урезаны, тогда как другие нации обязаны получать большие возможности для своей деятельности. Данный приоритет национальной политики должен был реализовываться в тесной связи с принципом господства державной нации, и фактически он отвечал только русским интересам, поскольку перераспределял права во всех сферах жизнедеятельности общества в пользу русских.

Говоря о конкретной совокупности прав, которыми могут обладать «иностранцы» в империи, М. О. Меньшиков, с одной стороны, прямо приравнивал их по статусу к иностранцам⁵¹. Таким образом, фактически теоретик национализма отказывал нерусскому населению в полноправном гражданстве в рамках Российской империи.

С другой стороны, стремясь в теории к построению в Российской империи гражданского общества, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков допускали возможность наличия у «иностранцев» некой гарантируемой им со стороны государства минимальной совокупности прав. К таким правам относились, во-первых, гражданские свободы личности, право нахождения под общей юрисдикцией российского закона, некоторые культурные права, то есть в принципе декларировалось общее право «иностранцев» на относительно самостоятельное национальное бытие, право на ограниченное самоуправление территорий⁵².

Непримиримую позицию занимали теоретики национализма по вопросу предоставления нерусским народам политических прав. В соответствии с обоснованием однозначно

⁵¹ Меньшиков М. О. Подделка патриотизма // Новое время. 1909. 16 июня.

⁵² Меньшиков М. О. Нация – это мы // Национальная империя. С. 105.

негативного воздействия идеологии «инороднического» сепаратизма на русское государственное единство Меньшиков и Ковалевский, как и другие теоретики ВНС, считали, что предоставление «инородцам» возможности входить в состав органов государственной власти или формировать их состав неизбежно приведет Российской империю к катастрофе. Наиболее последовательно эту мысль отстаивал М. О. Меньшиков. С его точки зрения, дарование нерусским народностям политических прав создаст для них возможность легально организовывать непримиримую оппозицию, необходимую для реализации их собственных сепаративных устремлений, что в итоге парализует работу всех органов власти. Меньшиков отмечал: «Допустив к имперскому законодательству представителей покоренных народностей, Россия дает им вновь политическое бытие. Я нахожу такое отношение к инородцам большой ошибкой, последствия которой быстро скажутся»⁵³.

По мнению публициста «Нового времени», при формировании органов власти, несомненно, должен существовать особый ценз национальности, поскольку приносить реальную пользу государству, находясь в составе органов власти, могут только проникнутые искренним русским национальным чувством люди, осознающие священный долг перед своим Отечеством и нацией. Таким образом, «инородцы», объективно обладающие чужеродным национальным чувством, никогда не смогут пройти данный ценз, поскольку чувство собственной национальности принципиально неуничтожимо⁵⁴.

Таким образом, М. О. Меньшиков, как и П. И. Ковалевский в данных вопросах исходили из утверждения, что «лучше плохой русский, чем «хороший» с виду «инородец».

Определяющим аспектом, посредством которого формировалась политика имперского правительства в отношении конкретных имперских народов, стал принцип дифференцируемого подхода к ним. Заметим, что необходимость принятия четко дифференцируемого подхода в отношении наций, населяющих Российскую империю, замечали и другие представители рус-

⁵³ Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 157.

⁵⁴ См.: Меньшиков М. О. Почти иностранное ведомство // Письма к русской нации. С. 56.

ской интеллигенции⁵⁵. Данный принцип идеологии русского национализма был наиболее четко сформулирован П. И. Ковалевским.

С его точки зрения, все нации, проживающие в Российской империи, существенно отличались друг от друга по различным признакам, что, безусловно, необходимо было учитывать при проведении в их отношении каких-либо политических мероприятий. В качестве критериев такой дифференциации соподчиненных наций мыслитель предлагал следующие: наличие собственного национально-обособленного ареала; степень национально-культурного развития, а также отношение той или иной нации к русскому государству и господствующей нации в нем.

Ковалевский различал нации по степени национально-культурного развития, критерии определения которого порой страдали чрезвычайным субъективизмом и категоричностью. В отношении наций с высокой степенью развития национально-культурного сознания предлагалось вести политику, дающую таким нациям право культурной автономии с сохранением их национальных особенностей. К так называемым низшим нациям, таким как в основном северокавказские и финно-угорские народности, не создавшим собственной государственности, предполагалось применять тактику русификации с целью их полной ассимиляции без сохранения собственных национальных атрибутов. Полная ассимиляция таких народностей являлась, по Ковалевскому, гарантией получения ими прав наравне с русскими.

Как представляется, такой категоричный подход в определении инструментов и тактики национальной политики в Российской империи был явно неприемлем и лишь обострял и без того непростую ситуацию. Кроме того, Ковалевский, высказывая подобные мысли, противоречил собственной концепции нации и национализма, утверждавшей принципиальную невозможность слить одну нацию с другой.

Третий критерий – степень политической лояльности, по мысли Ковалевского, являлся важнейшим и в наибольшей сте-

---

⁵⁵ См., например: *Медем К. К постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 150–163; № 9. С. 149–166.*

пени мог определять направленность национальной политики в отношении конкретной соподчиненной нации. С этим утверждением полностью соглашался и М. О. Меньшиков, оно поддерживалось и на страницах официальной партийной печати.⁵⁶

Характерно, что данный критерий служил непосредственным определителем и правительственной линии в национальном вопросе. Так, еще в 1907 г. премьер-министр П. А. Столыпин рассматривал в прямо пропорциональной зависимости степень политической лояльности нерусских народностей империи и конкретную совокупность их прав. В этом отношении характерно следующее его высказывание: «Признайте (нерусские народности – П. С.), что высшее благо быть русским гражданином, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁵⁷.

Представляется, что данный критерий характеризовала высшая степень непостоянства и вариативности. Так, лояльная позиция, занятая конкретной «инороднической» группой в отношении русского государства и нации, могла сиюминутно поменять сложившуюся политическую конъюнктуру в ее отношении. Поэтому, например, финны, которые имели достаточно высокий уровень национально-культурного развития, однако систематически выступали против государственной политики русского правительства, не должны были иметь сколь-нибудь существенных прав в государстве. Наоборот, евреям для того чтобы сделаться полноправными гражданами империи достаточно было «стать русскими по духу», уважать существующий государственный строй.

Однако такое изменение отношения к названным «инородцам» было возможным скорее только в теории, поскольку вряд ли какой-либо факт смог убедить националистов в их политической лояльности.

Представляется, что применение принципа дифференцируемого подхода в отношении нерусских народов империи неизбежно привносило в общую концепцию решения национального вопроса элементы противоречивости и непоследовательности. Ведь реализация критерия лояльности при определении поли-

⁵⁶ См. Известия ВНК. 1911. № 1. С. 8.

⁵⁷ Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов: Поволжское книж. изд-во, 1991. С. 254.

тической линии в отношении любой соподчиненной нации зачастую приводила теоретиков национализма к мнению, никак не вписывающемуся в рамки разработанной ими концепции.

Главным «узким» местом понимания данных вопросов становился тот факт, что Ковалевский и Меньшиков исходили из двух фактически несовместимых между собой эклектических посылок. С одной стороны, признавая тождество русских и государственных интересов, оба идеолога национализма стремились, как было указано, построить отношения русской и прочих наций, входящих в состав Российской империи, в плоскости господства – подчинения. Такого рода позиция, естественно, сопровождалась стремлением, с одной стороны, минимизировать права «инородцев», а с другой – все же обеспечить государственную гарантию известной совокупности их прав. Однако при определении содержания правового минимума, которым должны были обладать «инородцы», возникали очевидные сложности.

Для примера приведем отношение П. И. Ковалевского к возможности представительства в Государственной Думе «инородцев» Кавказа. Размышляя по этому поводу, Ковалевский, видимо, не был принципиальным противником присутствия в Думе лояльно настроенных депутатов – «инородцев» и более того был убежден в возможности их конструктивного сотрудничества в ее стенах. В этой связи Ковалевский фактически выступал за марионеточное «инородческое» представительство, строго действующее в рамках политической линии правительства. Фактически такого же мнения придерживался и еще один видный теоретик ВНС В. А. Бернов⁵⁸. Как видим, тезис о невозможности политического представительства в то же время фактически подвергался сомнению.

Кроме того, оба теоретика национализма заявляли о том, что нерусскому населению Российской империи должны быть обеспечены все возможности для ограниченного национал-культурного развития, однако степень подобного правового ограничения не была четко определена. Иллюстрацией наличия споров относительно данной проблематики являлась неоднозначная

---

⁵⁸ Бернов В. А. Национализм в качестве основы государственности. СПб. : Товарищество художественной печати, 1912. С. 66.

позиция мыслителей по поводу пределов использования нерусскими народами собственных языков при утверждении первенствующего статуса русского как официального языка делопроизводства и преподавания в Российской империи. Справедливо считая возможность использования языка, с одной стороны, основой национально-культурных прав, а с другой – одним из главных элементов обеспечения государственного единства, теоретики национализма так и не смогли выработать единую и однозначную позицию по данному вопросу.

П. И. Ковалевский в соответствии с собственным дифференцируемым подходом при оценке действительного положения соподчиненных наций давал право на преподавание на родном языке только нациям с высоким уровнем развития национального самосознания и только отдельных предметов во внеурочное время⁵⁹. Однако такое положение дел было возможно, по мнению мыслителя, только при установлении надлежащего внимательного наблюдения за преподаванием, что должно было исключать всякие проявления национального сепаратизма. Однако в дальнейшем мыслитель, видимо, под влиянием масштабов национального движения склонен был пойти и на более существенные уступки «инородцам» в данных вопросах и признать право использования их языка в культурно-просветительской и бытовых сферах общественной жизнедеятельности⁶⁰.

М. О. Меншиков занимал в данных вопросах несравненно более жесткую позицию. В специальной статье, посвященной проблеме статуса русского языка на территории инородческих окраин, публицист писал: «Требование судопроизводства на инородческих языках составляет не только оскорбление русской государственности, но оскорбление и здравого смысла... Вопрос о государственном языке решается очень просто. Инородцам должна быть дана русская школа и поставлен определенный срок для изучения русского языка. В течение назначенного времени должны делаться всевозможные поправки в отношении

⁵⁹ Ковалевский П. И. Национальное воспитание и образование в России. СПб. : Изд-во ВНК, 1910. С. 89.

⁶⁰ См.: Ковалевский П. И. Психология русской нации // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005. С. 44.

языка, но потом – никаких поправок»⁶¹. Как видим, Меньшиков отказывался признавать какие-либо права языка нерусских народностей даже в области их просвещения. В итоге применение принципов дифференцируемого подхода по отношению к «инородцам» давало возможность в конечном итоге фактически манипулировать степенью их правовой обеспеченности.

Таким образом, тезис о признании за нерусскими народами какой-либо совокупности прав становился демагогическим утверждением, поскольку на практике теоретики русского национализма не разработали единого мнения ни по поводу необходимого правового статуса «инородцев», ни какого-либо четкого механизма реализации их прав.

Утверждение о необходимости искусственно «урезать» права нерусских народностей также не могло сочетаться со стремлением теоретиков русского национализма утвердить в Российской империи основы гражданского самосознания, создать патриархальную гармонию отношений между отдельными нациями, населяющими государство.

В итоге указанные противоречия сыграли роковую роль в судьбе ВНС, так как постоянно расшатывали идеологический партийный консенсус, становясь причиной партийных кризисов. Фактически именно споры о применении дифференцируемого подхода в определении политики по отношению к отдельным нациям спровоцировали партийный раскол, следствием которого стало отделение от ВНС группы независимых националистов под руководством Крупенского, а в дальнейшем распад Союза на правых и левых.

Отметим в то же время, что пытаясь устранить подобное концептуальное противоречие своей концепции, Ковалевский и Меньшиков допускали в принципе уравнивание прав «инородцев» с русскими при определенных условиях. Такая ситуация могла быть, с их точки зрения, создана в результате объективного исторического развития.

При этом, по мнению идеологов ВНС, должны быть соблюдены следующие условия: во-первых, наличие высокого уровня национального самосознания у русских, а во-вторых, «на-

---

⁶¹ Меньшиков М. О. Государственный язык // Новое время. 1910. 27 сент.

циональное самоубийство» малых народностей, то есть полное уничтожение «инороднического» национального самосознания и перевод национализма в первичную стадию своего развития, на которой он определяется лишь наличием прирожденного национального чувства. Любой представитель нерусской нации для получения равных с державной нацией прав должен стать русским «по духу», то есть обладать именно русским национальным сознанием, приобрести русский национально-культурный тип. Правда, по мнению самих националистов, такое развитие событий являлось скорее исключением, нежели правилом и касалось лишь отдельных представителей «инородцев», а не всех их в целом. Введение равноправия возможно было, по мнению публициста, и под давлением иностранного общественного мнения в том случае, если развитие национализма нерусских наций опиралось на прямую поддержку иностранной державы и создавало для империи угрозу большой войны. В данном случае наделение их некой совокупностью прав имело характер кратковременной уступки.

Таким образом, оценивая высказывания русских националистов по вопросу необходимого правового статуса «инородцев», представляется, с одной стороны, что как П. И. Ковалевский, так и М. О. Меньшиков в своих теоретических рассуждениях в принципе не отрицали возможностей развития собственного национализма у соподчиненных наций, однако оно должно было проходить в определенных рамках под непосредственным контролем русских, а «инородцы» обязаны были организовать свою жизнь так, чтобы не нарушать интересов, а даже способствовать реализации национальных устремлений державной нации. Естественно, что такого рода оговорки не допускали на практике возможностей для сколь-нибудь самостоятельного развития собственного национализма у народностей Российской империи и давали право русской нации на неограниченное вмешательство и корректировку данного процесса в нужном для себя направлении. Естественно, что подобное стремление устраивать «инородцев» не могло.

С другой стороны, очевидно, что подобная позиция Меньшикова и Ковалевского в целом выглядела весьма логичной, что убедительно доказывали как другие теоретики русского на-

ционализма⁶², так и современные исследователи, принадлежащие к западной научной мысли.

Так, по мнению английского исследователя Д. Эктона, существование полного равноправия наций в рамках единого полиэтнического государства невозможно, поскольку противоречит самой идее государственности. Вместе с тем, важнейшим направлением государственной политики, по мнению исследователя, должно являться стремление обеспечить в условиях правового неравенства национальных общностей максимальное удовлетворение их нужд и потребностей. Необходимость нахождения подобного рода консенсуса в межнациональных отношениях обусловлена задачами обеспечения поступательного развития государства⁶³. Как видим, Д. Эктон в своей концепции фактически выступил прямым продолжателем идей Меншикова и Ковалевского. Нам подобная логическая схема рассуждений также представляется весьма перспективной, хотя, как отмечалось, и несвободной от противоречий, вследствие чего трудно осуществимой практически.

Следующим ведущим теоретическим принципом, на основе которого должен быть решаем национальный вопрос в империи, для П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова являлось единодержавие. Смысл его состоял в признании неприкосновенности единства и территориальной неделимости Российского государства. Иначе говоря, национальный вопрос должен был быть решен в рамках существующего в империи унитарного национально-государственного устройства. Утверждая данный принцип, идеологи русского национализма высказывались весьма категорично и не принимали каких-либо критических оговорок. Приведем в этой связи развернутое обоснование данного принципа Ковалевским: «Русская земля ни при каких условиях не может быть ни разделена, ни уменьшена в объеме, не расчленена на составные части, из которых она произошла. Она может быть увеличена в объеме. К ней могут быть произведены приращения – но уменьшение недопустимо и немыслимо. Точно также немыслимо расчленение ее на отдельные части

⁶² См: Степанец Б. Национализм как социологическая идея. Вильна : Тип. Русский почин. С. 27–31.

⁶³ Подробнее см.: Эктон Д. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М., 2002. С. 29–40.

в виде штатов, автономий, федераций и проч. Всякий сепаратизм и всякие подразделения – глупые, праздные и преступные мечтания. Россия есть неделимое и нерушимое целое и в ней мыслимо лишь единодержавие»⁶⁴. С данным утверждением соглашались и другие теоретики русского национализма, например, Н. И. Герасимов и А. А. Сидоров⁶⁵.

Другой видный теоретик ВНС Н. О. Куплевасский, размышляя над стратегией преобразования государственного строя Российской империи, заявлял о необходимости соблюдения принципа единодержавия в качестве исходного пункта для проведения подобного реформирования⁶⁶.

Для П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, а также для других русских националистов, утверждение единодержавия в качестве одного из базовых принципов решения национального вопроса имело огромное значение по нескольким причинам.

Во-первых, по мнению М. О. Меньшикова, унитарное национал-территориальное устройство империи являлось одним из исторических устоев, смыслом русской государственности. В связи с этим отказаться от данного принципа для теоретиков национализма являлось совершенно неприемлимым шагом, прямым нарушением важнейшей исторической традиции. Во-вторых, продолжая мысль публициста «Нового времени», П. И. Ковалевский обосновывал утверждение, что единодержавие есть основной способ существования русского государства, при котором обеспечивается нерушимость и защита его государственного бытия. В-третьих, по мнению теоретиков национализма, только при унитарной национально-территориальной системе построения русского государства представлялось возможным придать его развитию поступательный эволюционный характер, при котором достигалась бы практическая реализация богатого творческого потенциала империи.

⁶⁴ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 241.

⁶⁵ См.: Герасимов Н. И. В защиту русского национализма. СПб.: Тип. Сайлина, 1912. С. 28; Сидоров А. А. Иностранческий вопрос и идея федерализма в России.

⁶⁶ См. работу: Куплевасский Н. О. Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование Николая II. СПб.: Изд-во ВНК, 1912. 75 с.

Строгое соблюдение данного принципа являлось, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, прямой гарантией недопущения развития «инородческого» сепаратизма, исключало его деструктивное влияние на базовые основы русской имперской государственности.

Заметим, что обоснование единодержавия в качестве одного из исторических устоев русской государственности, на основе которого должен был быть решен национальный вопрос, было характерно не только для русских националистов, но и крайне правых. Отметим, что, партии, находящиеся левее в общественно-политическом спектре Российской империи начала XX века, такие как октябристы и кадеты, в своих концепциях решения национального вопроса также исходили из признания приоритетной задачи сохранения единства и неделимости русского государства. Так, кадетский идеолог Ф. Кокошкин, разрабатывающий программу решения национального вопроса, утверждал, что оптимальной схемой являлось бы практическое осуществление национал-культурного самоопределения «инородцев» внутри самоуправляющейся автономии при сохранении унитарной структуры империи. Исключение в данном отношении делалось лишь для Польши и Финляндии⁶⁷.

Кроме того, и практическая деятельность русских либералов в стенах государственных дум третьего и четвертых созывов еще раз доказывала то, что одновременно с декларацией признания необходимости «либерализации» принципов национально-территориального устройства государства четко прослеживалось их стремление сохранить единую империю.⁶⁸

Утверждение принципа единодержавия в качестве незыблемой основы русской государственности органически сочеталось в концепции идеологов русского национализма и с признани-

⁶⁷ См.: *Кокошкин Ф.* Областная автономия и единство России. М. : Народное право, 1906. 15 с.; *Его же.* Автономия и федерация. Петроград : Партия народной свободы, 1917. 30 с.

⁶⁸ Подробнее см.: *Вельможко Н. И.* Национальный вопрос в деятельности III и IV государственных дум; *Носков Н. Д.* Охранительные и реакционные партии в России. СПб. : тип. Проппера, 72 с.; *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы* : материалы междунар. конф. Москва. 27–29 октября 1998 г. М. : РОССПЭН, 1999. 567 с.; *Щербинина А. В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // *Либеральный консерватизм: история и современность.* М., 2001. С. 225–232.

ем за некоторыми «инородцами» прав на автономию. При этом отметим, что, во-первых, понимание автономии П. И. Ковалевским и М. О. Меншиковым существенно отличалось от интерпретации данного понятия русскими либералами, а во-вторых, то, что взгляды теоретиков национализма по данному вопросу с течением времени значительно эволюционировали.

Первоначально, в момент конститутирования движения русского национализма (1907–1910), П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков понимали под автономией в основном реализацию прав некоторых развитых национальных общностей в составе Российской империи на национально-культурное самоопределение (Ковалевский), а также на ограниченное самоуправление и экономическую самостоятельность (Меншиков).

В данном отношении позиция теоретиков национализма в основном совпадала с октябристской и кадетской и состояла в признании того факта, что автономия в таком качестве обеспечивала бы, с одной стороны, реализацию прав «инородцев», а с другой – способствовала более четкому осуществлению имперской власти на местах, учитывая местные особенности регионов. Кроме того, экономическая децентрализация должна была способствовать поступательному социально-экономическому развитию государства.

Примечательно, что и другие представители русской правой интеллигенции в целом поддерживали данное мнение, считая реализацию на практике принципа такого рода организованной автономии необходимой и насущной мерой, поскольку «правовые формы автономии лишь закрепляют и фиксируют сложившуюся на практике «особность» хозяйственного уклада экономической жизни».⁶⁹

С другой стороны, П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков в отношении автономии ограничивались лишь общими теоретическими посылками, детально не разрабатывали механизм ее осуществления и не выделяли ряд полномочий местных органов власти, что прямо свидетельствовало, на наш взгляд, об изначально отрицательном отношении к данному институту. Кроме того, не стоит забывать, что введение автономии даже

⁶⁹ *Медем К. К* постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 150–163; № 9. С. 156.

в таком аморфном виде предполагалось лишь для некоторых наций в составе империи. Таким образом, подобная позиция в отношении принципа автономии роднила идеологов национализма с крайне правыми теоретиками.

Однако трезвая оценка реально складывающейся ситуации в общественно-политической обстановке внутри империи все же заставляла П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова обращаться к теоретическому обоснованию данного феномена и пытаться совместить идею автономии и единой державы.

Стоит заметить, что утверждение о практическом осуществлении принципа национал-культурной (по Ковалевскому) и административной (по Меньшикову) автономии даже в таком качестве могло существовать лишь теоретически, так как на практике весьма тяжело было остановить естественный процесс ее перерастания в политическую автономию, что само по себе разрушало унитарную национально-территориальную структуру империи, которую столь горячо отстаивали все русские националисты. С учетом того, что механизмы «замораживания» развития национального сознания русских «инородцев» до этапа политической автономности не были разработаны ни одним из идеологов русского национализма, данная проблема представлялась неразрешимой вовсе. Однако, несмотря на это, подобная интерпретация автономии была принята и в официальных партийных документах ВНС⁷⁰.

Примечательно, что и некоторые представители интеллигенции того времени прекрасно видели противоречивость подобного рода взглядов. Так, Р. Выдрин отмечал: «Международный мир в России зависит от признания принципа национально-культурного самоопределения. Но на пути к осуществлению данного принципа мы встречаемся с мощным ростом национального либерализма, становящегося крупным фактором русской жизни»⁷¹. Как видим, мыслитель имел в виду факт появления одновременно с практическим осуществлением принципа административной национал-культурной автономии яв-

⁷⁰ См.: Воззвание главного совета ВНС. Устав и программа ВНС; Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 92.

⁷¹ Выдрин Р. Русская публицистика под знаком национального вопроса // Современник. 1915. № 2. С. 145.

ных предпосылок к возникновению на ее основе национально-го движения нового типа, борющегося за политическое самоопределение. Таким образом, следует, по нашему мнению, определенно утверждать, что одновременное признание принципов единой державы и автономности даже в ограниченном виде с учетом также констатации объективности перерастания автономии в политическую с самого начала составляло центральное противоречие взглядов П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по данному вопросу.

Неразрешимость данной проблемы в условиях дальнейшего обострения ситуации в межнациональных отношениях империи объективно вела к расколу партийного движения на левое и правое крыло.

М. О. Меньшикова такое положение дел явно не могло устраивать. Именно поэтому в своих работах преимущественно периода 1910–1916 гг. он пытался разработать новую концепцию понимания феномена автономии, учитывая новые общественно-политические реалии. Мысли публициста в данном отношении сводились к следующему. М. О. Меньшиков совершенно обоснованно считал, что с течением времени «инородцев» (в данном случае речь шла, прежде всего, о Польше и Финляндии) уже ни при каких условиях не может устраивать национально-культурная автономия с ограниченным самоуправлением, поэтому с целью сохранения имперского единства следует пойти им на уступки. Идеолог ВНС понимал, что унитарное устройство империи в его прежнем виде не способно более обеспечить стабильное развитие русской государственности. Естественно, сохранение единой державы желательно, однако больше ничего не оставалось, по мнению Меньшикова, как пренебречь им в известной степени.

Таким образом, проявляя бóльшую по сравнению с тем же П. И. Ковалевским политическую проницательность, Меньшиков выступал за «этнографическую», обладающую всеми признаками политической самостоятельности, автономию. Ради спасения государственности следовало бы сделать все, чтобы удалить «инородцев» из общественных тканей Российской империи, реализовав на практике концепцию моноэтнического государства. В этом отношении характерны следующие

щие его высказывания: «Я лично вовсе не друг инородцам, напротив, я откровенный враг их, но враг именно потому, что они нас завоевывают, они забирают наше царство. Я, однако, вовсе не подавал голоса за отнятие у них земель, имущества, культурных и религиозных прав. Никогда! Идя гораздо дальше большинства патриотов русских, я советую дать инородцам автономию – лишь бы они очистили русскую землю и вышли из наших государственных тканей. Я думаю, что настанет время, когда правительства всех народов сочтут выгоднее всего размежеваться по этнографическим рубежам. Пусть каждый народ крепче держится своей земли и не зарится на чужую»⁷². Подобного рода «этнографическую» автономию, по Меньшикову, следовало даровать лишь тем «инородцам», которые обладали устойчивым территориальным ареалом расселения⁷³.

Осуществление автономного устройства для органически враждебных русской государственности «инородцев» позволило бы, с одной стороны, обеспечить в будущем их политическую лояльность по отношению к русским (поскольку главное требование их национального сепаратизма было бы удовлетворено), а с другой – сохранить и упрочить русское национальное и государственное единство, позволив обновленному русскому государству, очищенному от «инороднического» балласта, поступательно развиваться в дальнейшем⁷⁴. Таким образом, М. О. Меньшиков утверждал, что «этнографическая» автономия не только отрицательно не скажется на развитии русского государства, но и принесет русской нации ощутимые выгоды, позволит сохранить принцип единодержавия на коренных русских территориях.

Меньшиков в то же время считал введение подобной автономии лишь кратковременной стратегической уступкой, чрезвычайно необходимой лишь на действительный момент времени. С ее помощью публицист рассчитывал получить ударный козырь в борьбе за русские национальные интересы, в том

⁷² Меньшиков М. О. Права на Кавказ // Национальная империя. С. 203.

⁷³ См.: Меньшиков М. О. Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.; *Его же*. Кадетская политика // Новое время. 1908. 26 февр.

⁷⁴ См.: Меньшиков М. О. Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. С. 340.

числе и на уровне геополитики, лишив европейские державы возможностей для оказания прямого давления на Российскую империю.

Вместе с тем выдвижение и обоснование принципа этнографической автономии вызвало волну дискуссий по данному вопросу в рядах членов и сочувствующих ВНС, так как его практическая реализация означала фактический отказ от единой державы, что являлось категорически неприемлемым для правого крыла партии.

Обсуждение этнографической автономии велось и на страницах националистически ориентированных периодических изданий. Так, автор статьи в «Киевлянине» весьма критически подошел к оценке возможной практической реализации данного принципа. Прежде всего, заявлялось о том, что «не идейным путем, не свободным развитием политического мышления, а силой обстоятельств русский национализм усвоил принцип размежевания и пользуется им не в силу его идейной ценности, а как необходимым оружием в политической борьбе»⁷⁵. В этой связи признавалось, что данный принцип является единственно верным в существующих обстоятельствах и поэтому должен неизбежно укрепиться в партийной идеологии. Однако вместе с тем при критическом разборе автор делал вывод о невозможности его практического воплощения, вследствие, во-первых, того, что он имеет «конституционный» характер, так как фактически признает права некоторых наций в составе империи на политическое самоопределение, во-вторых, потому, что пределы обособленности нерусских народов создают в то же время и пределы для развития русского национализма, так как нивелируют русское влияние, в-третьих, резонно замечалось, что в настоящее время фактически невозможно четко разграничить государство по этнографическим рубежам.

В результате делался вывод, ставший фактически официальной позицией правых националистов, об «антинациональной» сущности принципа этнографической автономии. Таким образом, позиция Меньшикова не была принята во внимание партийным большинством, что, как представляется, фактически исчерпало позитивные инициативы ВНС в области решения

---

⁷⁵ Киевлянин. 1910. 2 мая; 1910. 6 мая.

национального вопроса в империи. В то же время отметим, что данная концепция явно не была доработана и имела «слабые» места, справедливо указанные автором статей в «Киевлянине».

Завершая анализ воззрений П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова по вопросу отношения к автономии отметим, что налицо имелась эволюция их воззрений. Если первоначально теоретики национализма не подвергали сомнению унитарный принцип национально-территориального устройства империи, а введение автономии даже в строго очерченных ими рамках считали нежелательным вариантом развития событий, то впоследствии конъюнктура их воззрений изменилась. Наблюдая развитие общественно-политической ситуации, Меншиков первым подметил необходимость введения политической автономии для нерусских народностей ради спасения территориального единства государства. Публицист в итоге выступил «большим националистом», нежели партийные идеологи, руководствовался исключительно принципом национального прагматизма, в то время как остальные теоретики, в том числе П. И. Ковалевский, не могли отказаться от стереотипов имперского мышления. В то же время, сам М. О. Меншиков не преодолел до конца инерционность мышления «старого образца», что проявилось как в недостаточной теоретической обоснованности принципа этнографической автономии, так и в восприятии ее введения лишь в качестве долговременной, но все же уступки. Таким образом, в целом, теоретики русского национализма отказаться от апологетики единодержавия так и не смогли, что в итоге и привело их к неудачам в попытках выработки новой концепции, совмещающей две противоположные идеи – унитарность и автономность.

Кроме формулирования базовых принципов решения национального вопроса, идеологи ВНС уделяли внимание также и вопросам конкретной стратегии их реализации на практике. При этом П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков соглашались с мнением А. Алекторова, который утверждал, что в данных вопросах нужна политика «равноправия и братства, но не покровительства инородцам в ущерб коренного населения страны, политика умственного просвещения и поднятия экономического благосостояния»⁷⁶.

⁷⁶ Алекторов А. Е. Иностранцы в России. С. 92.

Другими словами, идеологи национализма вслед за Алекторовым в национальном вопросе декларировали стремление создать «счастливую семью» народов Российской империи, которая под руководством державной русской нации получила бы импульс к прогрессивному развитию.

На основе подобного понимания главной цели национальной политики теоретики национализма формулировали следующие аспекты стратегии ее проведения. Меншиков и Ковалевский, в первую очередь, утверждали, что конкретные политические шаги правительства должны были совершаться на основе признания приоритетного значения принципа национального прагматизма. Другими словами, любые политические действия, направленные на защиту и реализацию интересов русской нации, а значит, и русского государства, даже в том случае, если они прямо противоречили стремлениям нерусских народностей и ухудшали их положение, объявлялись теоретиками национализма единственно верными и не подлежали критическому рассмотрению.

Другой основной идеей стратегической линии необходимой национальной политики правительства, которая в известной степени противоречила вышеуказанной, по мнению Ковалевского и Меншикова, являлся всемерный учет специфических особенностей всех населяющих империю народностей, что позволило бы в итоге совершенно безболезненно завершить процесс их адаптации в составе империи.

Формулируя подобные идеи, идеологи национализма в значительной степени продолжали русскую традицию правой консервативной общественной мысли XIX века. П. И. Ковалевский в данной связи выступал за масштабную культурную интеграцию народов империи, за ассимиляционное взаимодействие между отдельными национально-культурными типами. Это привело бы, по мнению ученого, к «естественному» решению национального вопроса на принципах взаимоуважения отдельных наций при признании старшинства русских. П. И. Ковалевский писал, что нерусские народы необходимо «согласить с нашей культурой. Взять все полезное у них. Переработать на свой национальный лад и дать полную русскую культуру этим инородцам... И раз они сливаются духом с русскими, раз

русская нация, русская родина, русское государство станет их нацией, их родиной, то и они получат все права русского гражданина и все блага русской жизни»⁷⁷.

Как представляется, подобные утверждения носили в высшей степени демагогический характер, поскольку о конкретном механизме культурной интеграции «инородцев» в состав империи и гарантиях декларируемого результата теории национализма имели весьма смутное представление. В реальности речь шла лишь о создании как можно более благоприятных условий для осуществления со стороны русского державного большинства политики «национализации» «инородцев», иначе, их политической, а в идеале и культурной, русификации. Логическим итогом таких процессов стало бы создание новой социокультурной матрицы межнациональных отношений в империи, характерные черты которой определяли бы русские национальные атрибуты. Именно о таком идеальном, с точки зрения националистов, результате русско-«инороднического» сотрудничества откровенно писал М. О. Меньшиков⁷⁸ и другие теоретики русского национализма⁷⁹.

Еще одним пунктом, определяющим необходимую стратегию национальной политики, по Ковалевскому и Меньшикову, становилось утверждение о ее неразрывной связи с внешнеполитическими задачами государства. В данном отношении имелось в виду, что национальный вопрос может быть решен только в случае воссоединения всех территорий с преобладанием русского населения в составе Российской империи. Речь шла о необходимости оказания политического давления, прежде всего, на Польшу и Австро-Венгрию. Заметим, что в данном вопросе оба теоретика русского национализма высказывались безапелляционно, призывали использовать все доступные, в том числе и военные, методы для решения проблемы⁸⁰. Как представляется, подобные утверждения русских националистов выглядели нередко недопустимо радикальными, фактически не

⁷⁷ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 39.

⁷⁸ См.: Меньшиков М. О. Национальное единодушие // Национальная империя. С. 255.

⁷⁹ См., например: Киевлянин. 1910. 23 мая.

⁸⁰ См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 32; Меньшиков М. О. Сроки близятся // Письма к русской нации. С. 436–442.

учитывали реальную обстановку и поэтому только накаляли и без того непростые отношения имперского правительства с европейскими соседями.

Безусловно, главной характеристикой национальной политики правительства, по мнению Меншикова и Ковалевского, должна была стать чрезвычайная активность при постановке задач с целью всестороннего отстаивания русских государственных интересов в империи. Активность правительства, ясность и конкретность основных принципов национальной политики должны, по мнению идеологов русского национализма, четко сочетаться еще и с твердостью, упорством при проведении в жизнь тех или иных политических решений, смелостью при осуществлении всех необходимых мер, даже репрессивного характера.

Правительство в твердом отстаивании собственной позиции не могло, по мнению теоретиков национализма, находиться в изолированном положении, а, наоборот, должно всемерно пользоваться поддержкой общественности. Для этого и создавался Всероссийский национальный союз, главной целью которого, по мнению Ковалевского и Меншикова, должна была стать организация и укрепление русского национального единства, необходимого для поднятия уровня национального самосознания с целью осуществления защиты третируемых «инородцами» русских государственных интересов. По мнению П. И. Ковалевского, необходимо было организовать подобное единство на основе русских национальных качеств – коллективизма и взаимовыручки, что не составит особого труда⁸¹. Настоятельную необходимость создания национального единства русских в качестве главной гарантии защиты их интересов отмечал и М. О. Меншиков⁸², а также другие теоретики русского национализма, например В. Бернов⁸³.

Стратегия проведения национальной политики должна была, по мысли Ковалевского и Меншикова, строиться согласно принципам законности, нравственности, гуманизма и де-

⁸¹ См.: *Ковалевский П. И.* Национальное воспитание и образование в России. С. 70.

⁸² См., например: *Меншиков М. О.* Могильщикам России // Письма к русской нации. С. 442–447; *Его же.* Великоорусская партия // Новое время. 1907. 8 мая.

⁸³ *Бернов В. А.* Национализм в качестве основы государственности. С. 70.

лового партнерства. Подобные мысли встречаются во многих работах Ковалевского и Меньшикова, несмотря на имеющиеся гневные обличения «инородцев». Тем не менее, оба идеолога русского национализма всемерно подчеркивали мысль о том, что при «нормальной» ситуации в межнациональных отношениях (то есть тогда, когда со стороны нерусских народностей признаются справедливые интересы державной нации, а сами они не осуществляют сепаратистской деятельности) правительство при осуществлении конкретных мероприятий в их отношении должно руководствоваться именно заявленными выше принципами. Заметим, что данную точку зрения всецело разделяли и другие теоретики русского национализма. Кроме того, она была закреплена и в официальных документах ВНС⁸⁴.

Как представляется, подобное требование относительно стратегии межнациональных отношений, выдвинутое теоретиками национализма, в итоге также имело чисто декларативный характер, поскольку реальная ситуация в Российской империи, главной особенностью которой, по мнению абсолютного большинства националистов, являлось наличие откровенного беззакония со стороны «инородцев», настоятельно требовала осуществления адекватных мер, основанных отнюдь не на принципах доброжелательности, законности и морали, а имеющих репрессивный характер.

Таким образом, представления теоретиков русского национализма о конкретной стратегии проведения национальной политики были весьма идеализированными и преследовали единую цель – создать в глазах общественности привлекательный образ их политической линии и практических устремлений.

Однако на практике подобная стратегия национальной политики оказалась неприменима во многом потому, что главной заботой русских националистов стала не организация конкретной позитивной программы действий, а стремление подчинить, а в лучшем случае уничтожить зачатки нерусских национальных движений, причем любыми методами, зачастую и репрессивными.

---

⁸⁴ Подробнее об этом см.: *Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 252–253.*